

Духовная и чувственная суть любви в этих стихотворениях выражена возвышенно, даже экстатически, несмотря на подчеркнута разговорный словарь и слегка иронические интонации.

Первое стихотворение обращено к Т. Кострову, как своему человеку, но, прежде всего — к Т. Яковлевой и ко всем, кто способен пережить любовь, поднимающую человека над дрызгами быта к звездам и великим свершениям.

Второе стихотворение - открытое личное письмо, которое, возможно, Маяковский тоже предназначал для печати. Здесь признание в любви преследует едва ли не агитационно-пропагандистскую цель - привлечь женщину не только к себе, но и к своей новой красной стране.

Известно, что Татьяна Яковлева опасалась возвращаться в Россию (знала она и о том огромном влиянии, которое имела на Маяковского Л. Ю. Брик). Так вот любовь Маяковского идет буквально «поверх всех барьеров»—сословных, географических, политических - в максимальном размахе и уверенности в своей победе: «Я все равно тебя когда-нибудь возьму — одну или вдвоем с Парижем». В символическом плане так оно и случилось. Любовь к Маяковскому Татьяна Алексеевна пронесла через всю жизнь, а любовь Маяковского к ней сделала эту женщину бессмертной. Вот о такой «сущности любви» и беспокоился поэт.

Художественное исследование революции приводило поэта к необходимости выяснить историческую роль народа, массы и роль вождя, стратега в организации и осуществлении Октябрьского большевистского восстания. Романтическая идеализация народного гнева, неминуемое возмездие «старому миру», личного и общественного недовольства в советской поэзии были характерны для многих современников Маяковского, особенно в первые годы и десятилетия Советской власти.

Продолжение в следующей главе...